

Джузеппина Джулиано

Рецепция личности и творчества Д.С. Мережковского в Италии в первой половине XX в.

Предметом настоящей статьи является рецепция личности и творчества Д.С. Мережковского в Италии с 1901 по 1941 г.¹ В наши задачи входит рассмотреть отзывы итальянской печати на книги о Леонардо да Винчи и Данте Алигьери и реконструировать отношения писателя с представителями фашистского режима², а также с отдельными деятелями культуры и издательскими домами Италии, для того, чтобы выяснить, что именно их привлекало в фигуру Мережковского.

Необходимо сразу же отметить, что в первой половине XX в. русский язык, как и русская литература и культура вообще, были малодоступны итальянской интеллигенции. Институтов, где преподавались эти предметы, было очень мало, поэтому чаще всего о русской литературе писали литературные критики и журналисты, читавшие произведения не в оригинале, а только в переводах. Столь же малоизвестен был так называемый «русский религиозный ренессанс», в контексте которого следует рассматривать мысль и творчество Мережковского.

Тем не менее, прозаические произведения русского писателя переводились в Италии очень активно; с 1901 по 1941 гг. в более чем пятнадцати крупнейших издательствах было напечатано множество переводов романов Мережковского. Каждое из его произведений переводилось не по одному разу. В 20-е и 30-е гг. выходили не только переводы текстов периода эмиграции, но и неоднократно появлялись новые переводы романов, написанных на рубеже XIX и XX столетий и давно уже доступных на итальянском языке³.

Самой известной переводчицей произведений Мережковского с начала XX в. и до 20-х гг. была Нина Романовская (1861–1951), переехавшая в Милан еще в конце XIX столетия⁴. В 30-е гг. Мережковского переводили русские эмигрантки, для которых переводы стали источником заработка, – Анна Руска⁵ и Раиса Григорьевна Олькеницкая-Нальди (1886–1978)⁶. Прозаические произведения Мережковского переводили так же известные итальянские слависты того времени – Ренато Поджоли (Renato Poggioli, 1907–1963), Ринальдо Кюфферле (Rinaldo Küfferle, 1903–1955), а также авторитетный переводчик и журналист Альфредо

---

¹ О биографических и литературных связях Д. Мережковского и З. Гиппиус с Италией см.: Джулиано, Джузеппина. Д.С. Мережковский / Пер. с ит. Елены Сергиевской // Русские в Италии: Словарь / Russi in Italia: Dizionario. Русскоязычная и итальянская версии. Эл. ресурс: <http://www.russinitalia.it/dizionario.php> («М: Мережковский»). 01.06.2016; Она же. З.Н. Гиппиус / Пер. с ит. Елены Сергиевской // Там же. Эл. ресурс: <http://www.russinitalia.it/dizionario.php> («Г: Гиппиус»). 01.06.2016.

² Об отношениях Мережковского с Муссолини см.: Винокурова, Ирина. Мережковский и Муссолини: к истории взаимоотношений // Вопросы литературы, № 2, 2001, с. 274-287; Полонский, Вадим. Отношения писателя с властью в контексте модернизирования ереси: Д.С. Мережковский и Б. Муссолини // Ежегодная Богословская конференция православного Св.-Тихоновского богословского института: Материалы 2001 г. Москва: Изд-во ПСТБИ, 2001, с. 352-357; Полонский, Вадим. Д.С. Мережковский – писатель и политик // Вестник истории, литературы и искусства. Т. V. Москва: Наука, 2008, с. 353-364; Giuliano, Giuseppina. I russi alla 'corte' di Mussolini // Archivio Russo-Italiano V. Russi in Italia. Salerno: Europa Orientalis, 2009, p. 303-323; Джулиано, Джузеппина. Русские при «дворе» Муссолини // «Персонажи в поиске автора»: Жизнь русских в Италии XX в. Москва: Русский Путь, 2011, с. 286-294. См. также: Pachmuss, Temira. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. München 1972; Мережковский, Дмитрий. Маленькая Тереза. Роман. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус / Под ред. Темиры Пахмусс. Анн Арбор: Эрмитаж, 1984; Письма Д.С. Мережковского А.В. Амфитеатрову // Звезда, № 7, 1995, с. 158-169; Гиппиус, Зинаида. Итальянский дневник // НЛЮ, № 27, 1997, с. 237-251; Пахмусс, Темира. Страницы из прошлого: Из переписки Зинаиды Гиппиус. Frankfurt/M., Berlin: Peter Lang, 2003.

³ См. список переводов произведений Мережковского в приложении.

⁴ См. о ней: Мащукелли, Сара. Н. Романовская / Пер. с ит. Ксении Тименчик // Русские в Италии: Словарь / Russi in Italia: Dizionario. <http://www.russinitalia.it/dizionario.php> («Р: Романовская»). 01.06.2016.

⁵ Об этой переводчице известно очень мало. В начале 1930-х гг. она перевела произведения Леонида Леонова, Лидии Сейфуллиной и Мережковского для туринского издательства «Славия».

⁶ См. о ней: Пагани, Мария Пия. Р.Г. Олькеницкая-Нальди // Русские в Италии: Словарь / Russi in Italia: Dizionario. <http://www.russinitalia.it/dizionario.php> («О: Олькеницкая-Нальди»). 01.06.2016; Гардзонио, Стефано, Сульпассо, Бьянка. Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Книга I. Научн. ред. Олега Коростелева. Москва: Русский путь, 2011, с. 49-52.

Полледро (Alfredo Polledro, 1885–1961)⁷. В отличие от прозы, стихотворения Мережковского, за редким исключением, не привлекали внимания издателей и переводчиков.

В начале XX в. Мережковского считали одним из заурядных иностранных авторов, воспевавших Италию. Среди первых рецензентов романа о Леонардо, вышедшего на итальянском языке еще в 1901 г., был писатель и литературный критик Альфредо Панзини (Alfredo Panzini, 1863–1939)⁸. На страницах журнала «Международная жизнь» он сетовал на то, что Италия теперь нуждается в зарубежных литераторах, чтобы «прославлять в своем народе своих же гениев»⁹. Однако Панзини, вместе с тем, подчеркивал значение заглавия романа «Воскресшие боги»: Мережковский, по словам критика, пишет «о том дивном периоде, который <...> подобен последнему рубежу свободной и великой итальянской земли: конец XV века, великолепная эпоха, когда древние Боги, блистающие юностью и мудростью, воскресали в книгах, в мраморе, на полотнах нашего отечества: именно на этой земле взошли ростки современной мысли, распространившейся по всему миру. А Италия, жертва своих великих родов, заложница своего благоденствия, томилась потом на протяжении веков в путях смерти и рабства»¹⁰.

В начале века интерес у итальянской публики вызывали только исторические романы Мережковского, в которых критики обнаруживали «многочисленные произвольные, ничем не оправданные предположения и нелепости»¹¹, – именно так отзывался об этих романах в 1927 г. авторитетный историк русской культуры и литературы Этторе Ло Гатто (Ettore Lo Gatto; 1890–1983).

Первые рецензенты, в том числе Панзини, не касались религиозной концепции мира Мережковского; она была более глубоко исследована только в 1922 г. Этторе Ло Гатто на страницах журнала «Книги дня. Ежемесячный международный обзор». Приведем здесь выдержку из его статьи: «Менее известен Мережковский как критик, мыслитель и полемист. Однако можно сказать, что его деятельность была гораздо более значительна в этой сфере, нежели в области чисто художественного творчества. Некоторые из его книг, содержащих религиозные искания, даже будучи спорными и частично неприемлемыми, остаются могучими памятниками русской духовной жизни»¹². «Нетрудно, – продолжает Ло Гатто, – несмотря на сильно отличающиеся друг от друга способы выражения, обнаружить некоторое сходство между представлениями о религиозной жизни человечества [т.е. Мережковского. – Дж. Дж.] и мировоззрением великого философа русского мистицизма Владимира Соловьева. По мнению Соловьева, как и по мнению Мережковского, мировой процесс делится на три этапа. Первый, космогонический, и второй, исторический, на котором человек был посредником в деле искупления природы и ее воссоединения с Богом, уже пройдены. Третий же этап должен завершить процесс обожествления человечества: именно на этой стадии человек приблизится к абсолютному преображению и соединению с Богом на основе любви. Однако религиозная метафизика Мережковского не предполагает практическое осуществление этих процессов в действительности, в то время как метафизика Соловьева должна воплотиться в объединении Церквей в одной соборной Церкви, которая будет являть собой истинное Слово Христа на земле»¹³.

В 20-е гг., именно благодаря Ло Гатто и еще нескольким ученым, в Италии начали знакомиться с символизмом как особым литературным направлением русской культуры, а также с его религиозными принципами. Это было то самое время, когда поднялась волна европейской эмиграции представителей русского символизма: Андрей Белый переехал в Германию, Мережковский и Гиппиус – во Францию, Вячеслав Иванов – в Италию и т.д.

⁷ В некоторых итальянских изданиях произведений Мережковского не указано имя переводчика: такое нередко случалось в Италии, когда книги переводились не с русского оригинала, а с французского перевода.

⁸ См.: Alfredo Panzini, <http://www.alfredopanzini.it>, 01.06.2016.

⁹ Panzini, Alfredo. La risurrezione degli dei // *La vita internazionale*, 1901, N 4, p. 746. Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, перевод с итальянского мой. – Дж. Дж.

¹⁰ Там же.

¹¹ Lo Gatto, Ettore. Akhenaton, gioia del sole // *I libri del giorno. Rassegna mensile internazionale*, 1927, N 12, p. 636.

¹² Lo Gatto, Ettore. Dmitrij Meresckovskij e i suoi ultimi libri // *I libri del giorno. Rassegna mensile internazionale*, 1922, N 6, p. 322-323; p. 322.

¹³ Там же, p. 323.

Итальянский фашизм распространял свою идеологию и на духовную сферу.¹⁴ Приверженность «областям духа» даже помогала фашизму в его пропагандистской борьбе против коммунизма. В фашистских кругах во второй половине 20-х гг. «сформировалась стойкая убежденность в необходимости слияния воедино форм и сущности католических и фашистских идей» «в борьбе с гегемонией идеализма Джентиле»¹⁵. В фашистской партии состояло немало интеллектуалов, принадлежавших к различным религиозно-философским направлениям; с некоторыми из них Мережковский и попытался наладить дружеские отношения, когда после тридцатилетнего перерыва вновь вернулся в Италию в 1932 г. и 16 мая прочитал в Палаццо Веккьо во Флоренции лекцию «Леонардо и мы». До того момента роман о Леонардо в переводе Нины Романовской переиздавался шесть раз, а вскоре после выступления Мережковского книга вышла в новом переводе, который был переиздан трижды. До этого на итальянском языке было опубликовано около десяти других произведений Мережковского. Приезд писателя в Италию был связан с его попытками найти новых издателей для своих книг.

Попробуем реконструировать ход событий, связанных с докладом о Леонардо, чтобы выяснить, каким образом Мережковскому удалось установить отношения с крупными представителями культурной и политической жизни фашистской Италии.

В 1929 г. в Париже Мережковский общался с итальянским писателем Джованни Папини (Giovanni Papini, 1881–1956)¹⁶. Как свидетельствуют письма Мережковского к Папини, хранящиеся в личном архиве последнего во Фьезоле¹⁷, он пообещал Мережковскому помочь с поиском издателя его книги о Наполеоне в связи с тем, что издательство «Treves» («Тревес»), на тот момент опубликовавшее шесть книг русского писателя, отказалось от нее (причина отказа неизвестна). «Наполеон» в переводе Раисы Олькеницкой-Нальди выходил в 1931 г. во флорентийском издательстве «Vemporad» («Бемпорад»).

Возможно, что благодаря именно Папини Мережковский получил возможность связаться с «Бемпорадом» и уже в 1931 г. заочно познакомиться с итальянским журналистом Энрико Барфуччи (Enrico Barfucci, 1889–1966)¹⁸, который в ту пору был директором отдела печати и пропаганды издательства «Бемпорад», а в 1922 г. основал «Ассоциацию культурной деятельности» в Тоскане (Ente attività per la Toscana, EAT).

Можно предположить, что именно в качестве члена данной организации Барфуччи пригласил Мережковского прочитать лекцию о Леонардо. Как бы то ни было, небольшая заметка о пребывании писателя и Гиппиус во Флоренции в 1932 г. была опубликована в печатном органе «Ассоциации» – журнале «L'Illustrazione Toscana» («Иллюстрированная Тоскана»), основанном также Барфуччи в 1923 г. (автором заметки была Раиса Олькеницкая-Нальди)¹⁹.

Об отношениях Мережковского с Барфуччи и другими деятелями итальянской культуры свидетельствуют письма русского писателя к Барфуччи, хранящиеся в архиве Национальной библиотеки во Флоренции²⁰. По возвращении в Париж, 22 мая, Мережковский пишет Барфуччи письмо, выражая надежду вскоре вернуться во Флоренцию благодаря усилиям ведущих представителей итальянской культуры, с которыми он познакомился во время своего

¹⁴ Carlini, Armando. Saggio sul pensiero filosofico e religioso del Fascismo. Roma: Istituto nazionale di cultura fascista, 1942.

¹⁵ Marino, Giuseppe Carlo. L'autarchia della cultura. Intellettuali e fascismo negli anni Trenta. Roma: Editori riuniti, 1983, p. 122. Об отношении Муссолини к идеализму итальянского философа и политического деятеля Джованни Джентиле (Giovanni Gentile; 1875–1944) пишет Гиппиус в своем итальянском дневнике. Гиппиус, Зинаида. Итальянский дневник, с. 240.

¹⁶ См.: Giovanni Papini, www.giornipapini.it. 01.06.2016.

¹⁷ См.: Fondazione Primo Conti, Fiesole, Archivio Giovanni Papini, Merezkovski Dmitrij, FC/AP LII C.2061.

¹⁸ См.: Baglioni, Roberto, Capannelli, Emilio. Enrico Eraldo Barfucci // Sistema Informativo Unificato per le Soprintendenze Archivistiche. Эл. версия: <http://siusa.archivi.beniculturali.it/cgi-bin/pagina.pl?TipoPag=prodpersona&Chiave=54217&RicDimF=2&RicProgetto=personalita>. 01.06.2016.

¹⁹ Naldi, Raissa. Zinaida Hippus a Firenze // L'Illustrazione Toscana e dell'Etruria, X (1932), p. 29-30.

²⁰ В фонде Барфуччи хранятся семь писем Мережковского и одно письмо Гиппиус к Барфуччи, датированные 1932–1933 гг.: Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Sezione Manoscritti, Fondo Enrico Barfucci C. Vari 533, 46 «Merezkovskij Dimitrij». Переписка готовится к печати. Мережковский также оставил Барфуччи машинописный текст доклада на французском языке с авторской правкой и рукописный лист, являющийся кратким предисловием к его выступлению; оба документа находятся в фонде Барфуччи: Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Sezione Manoscritti, Fondo Enrico Barfucci, C. Vari 533, 48 «Merezkovskij Dimitrij».

пребывания в Италии. Среди них Мережковский упоминает Эрнесто Кодиньола (Ernesto Codignola, 1885–1965)²¹ – педагога, члена первой комиссии Верховного совета народного просвещения (Consiglio superiore della Pubblica Istruzione), подписавшего в 1925 г. знаменитый «Manifesto degli intellettuali fascisti» («Манифест фашистской интеллигенции»), а впоследствии ставшего антифашистом.

Никто лучше Барфуччи, утверждает Мережковский в своем письме, не сможет объяснить Кодиньоле, в каком плане «пропаганда» Мережковским «нового итальянского ренессанса» будет полезна «большому общему делу», которое их объединяет. Неизвестно, какое «большое общее дело» имел в виду Мережковский, но представляется, что ключевую роль здесь играло именно слово «ренессанс». По мысли Мережковского, «новый итальянский ренессанс» был возможен, поскольку в Италии политическая власть не отделялась от культурной и религиозной жизни «нового человека». Скорее всего в сознании Мережковского «новый итальянский ренессанс» связывался с «русским религиозным ренессансом». Сам Барфуччи – организатор лекции о Леонардо и других культурных мероприятий подобного рода – обладал религиозным мировоззрением. В 1926 г. он опубликовал «Книгу утешений»²², переизданную в 1932 г., и подарил один экземпляр Мережковскому и Гиппиус²³.

Во Флоренции Мережковский общался и с писателем Гвидо Манакордой (Guido Manacorda, 1879–1965)²⁴, который, как и Мережковский²⁵, написал книгу об апостоле Павле²⁶. В период пребывания Мережковского во Флоренции велись разговоры о планах издания небольшой книги, которая включала бы очерки Мережковского, Гиппиус, Барфуччи, Папини и Манакорды. Эта книга стала бы хорошим средством «пропаганды» их «общих идей», как снова писал Мережковский в письме к Барфуччи от 22 мая 1932 г. Проект, к сожалению, так и не был осуществлен.

С сотрудниками издательства «Бемпорад» и с самим владельцем фирмы, Энрико Бемпорадом (Enrico Bemporad, 1868–1944), Мережковский состоял в личной переписке с 1930 по 1934 г. Писатель опубликовал в «Бемпорад», кроме «Наполеона», книги «Иисус Неизвестный» (1933) и «Тайна Александра Первого» (1935), а позже, когда издательство было переименовано в «Мардзокко», – «Миссию Иисуса» (1937)²⁷.

5 июля 1933 г. Мережковский написал Бемпораду из Парижа, прося выслать ему два экземпляра книги «Иисус Неизвестный», один из которых он собирался отправить Муссолини с посвящением. Бемпорад прислал Мережковскому эти книги только в декабре 1933 г. 6 февраля 1934 г. русский писатель отправил издателю обещанный экземпляр «Иисуса Неизвестного» с посвящением Муссолини и личное письмо к нему²⁸. Бемпорад должен был передать книгу и письмо самому дуче. 16 марта 1934 г. издатель сообщил Мережковскому, что Муссолини все получил, а в письме от 16 апреля того же года еще и посоветовал ему написать письмо личному секретарю дуче, Освальдо Себастиани (Osvaldo Sebastiani, 1888–1944), чтобы ускорить ответ.

---

²¹ О Кодиньоле см.: Ambrosoli, Luigi. Ernesto Codignola // Dizionario Biografico degli Italiani. V. 26 (1982). Эл. версия http://www.treccani.it/enciclopedia/ernesto-codignola_%28Dizionario-Biografico%29/. 01.06.2016. О его отношениях с русскими писателями см.: Ларокка, Джузеппина. Эрнесто Кодиньола и русские в Италии: к истории отношений // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940). Salerno: Europa Orientalis, 2015, с. 277–306. В этой статье о Мережковском, к сожалению, не упоминается.

²² Barfucci, Enrico. Il libro delle consolazioni. Firenze: Bemporad, 1926 (1932).

²³ См. письмо Гиппиус к Барфуччи, где поэтесса выражает свое мнение об этой книге (Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Sezione Manoscritti, Fondo Enrico Barfucci, C. Vari 533, 46 «Merezkovskij Dimitrij»).

²⁴ О Манакорде см.: Garzarelli, Benedetta. Guido Manacorda // Dizionario Biografico degli Italiani. V. 68 (2007). Эл. версия: http://www.treccani.it/enciclopedia/guido-manacorda_%28Dizionario-Biografico%29/. 01.06.2016.

²⁵ Мережковский, Дмитрий. Лица святых: от Иисуса к нам. [Ч.] I. Павел; Августин. Берлин: Петрополис, [1936].

²⁶ См.: Manacorda, Guido. Paolo di Tarso: dramma sacro in tre atti e un intermezzo. Firenze: Vallecchi, 1927.

²⁷ Здесь мы кратко обзораем только основные темы переписки Мережковского с издателем Бемпорад. Их корреспонденция состоит из 37 писем Мережковского к Бемпораду и 33 писем Энрико Бемпорада и его сотрудников к Мережковскому (см.: Archivio storico Giunti Editore, Firenze, Fondo Bemporad, 87.7 «Merejkovskij Dimitri e Poggioli Renato»). Переписка готовится к печати.

²⁸ С 1934 по 1937 гг. Мережковский написал Муссолини по меньшей мере пять писем. Возможно, они хранились в личной папке Мережковского в архиве Особого секретариата дуче, который сегодня находится в Государственном центральном архиве г. Рима (Archivio Centrale dello Stato, Segreteria Particolare del Duce, Carteggio Ordinario). Нам удалось найти шифр папки (157.961), но сама папка в фонде отсутствует.

Ответ пришел только через несколько месяцев. В послании от 25 октября 1934 г. Мережковский сообщал Бемпораду, что через итальянское посольство в Париже Муссолини назначил ему пособие в 5000 лир для поездки в Италию. Писатель также просил Бемпорада познакомить его с какими-нибудь важными особами, которые могли бы устроить для него личную встречу с Муссолини.

Таким образом, в ноябре 1934 г. Мережковский оказался в Италии, а 4 декабря был принят Муссолини во дворце Венеции, в то время резиденции дуче. Перед самым приемом он писал Бемпораду, что будет говорить с дуче о своей новой книге, посвященной Франциску Ассизскому, и о проекте книги о Данте Алигьери, которая, возможно, будет называться «Данте и Муссолини». Дуче заинтересовался произведениями о знаменитых итальянцах и пообещал найти издательство для книги о Франциске Ассизском²⁹ и помочь с проектом по Данте.

Когда в 1932 г. Мережковский вернулся в Италию, он был уже не молодым зарубежным писателем, а изгнанником из коммунистической России. Он пользовался популярностью именно в качестве писателя-эмигранта. В этом смысле сам писатель чувствовал родство с автором «Божественной Комедии»³⁰.

В декабре 1939 г. в журнале «Bibliografia fascista» («Фашистская библиография») была напечатана большая рецензия на книгу о Данте, опубликованную в 1938 г.³¹; автором рецензии был философ, писатель, художник и эзотерик Юлиус Эвола (Julius Evola, 1898–1974)³², считавшийся довольно спорной и подозрительной личностью³³. Эвола заинтересовался книгой Мережковского, потому что в данном случае речь шла не о «литературном, богословском или психологическом исследовании»³⁴, а давался портрет «эзотерического Данте», о котором писал и сам Эвола. Этот же аспект присутствует в трудах английского поэта итальянского происхождения Габриэля Россетти (Gabriele Rossetti, 1783–1854)³⁵, его ученика Эжена Ару (Eugène Aroux, 1798–1859)³⁶, французского писателя-эзотерика Рене Генона (René Guénon, 1886–1951)³⁷, итальянского поэта Джованни Пасколи (Giovanni Pascoli, 1855–1912)³⁸ и его ученика, литературного критика Луиджи Валли (Luigi Valli; 1878–1931)³⁹. Отметим, что из всех этих авторов Мережковский в библиографии своей книги указывает только Валли.

Эвола полагал, что Мережковский в своем изучении Данте отталкивался от доктрины «Второго пришествия». Данте в рамках этой доктрины выступал как провозвестник новой

---

²⁹ Книгу о Франциске Ассизском Мережковский предложил Бемпораду в письме от 4 декабря 1934 г., но Муссолини пожелал, чтобы ее издал Мондадори. Когда Бемпорад узнал об этом от Мережковского (письмо от 9 декабря 1934 г.), то обратился с письмом к дуче, жалуясь на это решение (см.: Archivio Centrale dello Stato, Roma, Segreteria Particolare del Duce, Carteggio Ordinario, f. 509.230, Casa editrice Bemporad). Изначально переводом книги должен был заняться Ринальдо Кюфферле, но в итоге эту задачу выполнила переводчица Лаура Малавази (Laura Malavasi). Подробнее см. в письмах Кюфферле к Мондадори, хранящихся в архиве одноименного издательства (Archivio Fondazione Arnoldo e Alberto Mondadori Milano, Fondo Arnoldo Mondadori, f. Küfferle Rinaldo) и процитированных в статье: Mazzucchelli, Sara. La letteratura russa in Italia tra le due guerre: l'attività di traduttori e mediatori di cultura // *Europa Orientalis*, XXV (2006), p. 37-60; p. 55.

³⁰ О рецепции в Италии книги Мережковского о Данте в переводе Кюфферле см.: Dodero Costa, Maria Luisa. D. Merežkovskij: un'idea di Dante // *Europa Orientalis*, XII (1993), № 1, p. 185-192.

³¹ События, связанные с публикацией книги о Данте в Италии, были уже подробно исследованы учеными. См. прим. 2 в настоящей статье.

³² См. о нем: Julius Evola: <http://www.julius-evola.it/>. 01.06.2016.

³³ Об Эволе 18 апреля 1928 г. писал Вячеслав Иванов своему сыну Димитрию: «<...> Студенты католики смеются над моим „другом“ Evola, которого в журнале „Studium“ очень забавно разругали. Он успел выпустить целую книгу о том, что фашизм – языческая римская империя – должен поэтому преследовать церковь. А этому барину только того и нужно, чтобы о нем говорили. Мне он стал окончательно противен. <...>». Иванов, Вячеслав. Избранная переписка с сыном Димитрием и дочерью Лидией (1925–1941) // *Символ*, 2008, № 53-54, с. 580.

³⁴ Evola, Julius. Demetrio Merejkowsky: Dante // *Bibliografia Fascista*, 1939, N 12, p. 960-962; p. 960.

³⁵ См.: Rossetti, Gabriele. *La Divina Commedia di Dante Alighieri con commento analitico di Gabriele Rossetti*. In sei volumi. Londra: John Murray, Albemarle street, 1826-1827.

³⁶ См., например: Aroux, Eugène. *Dante hérétique, révolutionnaire et socialiste. Révelations d'un catholique sur le Moyen Âge*. Paris: Jules Renouard et Cie, Libraires-Éditeurs, 1854.

³⁷ См., например: Guénon, René. *L'ésotérisme de Dante*. Paris: Ch. Bossé, 1925.

³⁸ Pascoli, Giovanni. *Minerva oscura: prolegomeni: la costruzione morale del poema di Dante*. Livorno: Tip. R. Giusti, 1898, и другие произведения.

³⁹ Valli, Luigi. *Il segreto della Croce e dell'Aquila nella Divina commedia*. Bologna: Zanichelli, 1922; Valli, Luigi. *Il linguaggio segreto di Dante e dei "Fedeli d'Amore"*. Roma: Optima, 1928; Valli, Luigi. *La chiave della Divina Commedia*. Bologna: Zanichelli, 1925; Valli, Luigi. *La struttura morale dell'universo dantesco*. Roma: Ausonia, 1935.

религии, «эпохи синтеза», «царства Святого Духа». Но, как уточнял философ, истолкование Мережковского «можно было бы принять только как основу для дальнейшего, более глубокого исследования», адресованного уже не к «философскому или пророческому» содержанию поэмы, а к ее «техническому», точнее, «инициационному» элементу⁴⁰. Что же касается образа Беатриче и юношеской книги Данте «Новая жизнь», то, по словам Эвола, Мережковский и там «не видит ничего, кроме „магии Трех“, согласно которой, земная и неземная женщины, как и земная и неземная любовь, призваны слиться в высшем синтезе, благодаря чему любовь сможет стать орудием воскресения»⁴¹. «Однако мы знаем, – продолжает Эвола, – что в тайном языке „Верных Любви“ образ донны имел не только символический смысл, но означал и инициацию, воплощая в себе принцип „Sapienza Sanat“ [Мудрость лечит. – Дж. Дж.] и имея реальную силу воздействия на окружающих»⁴².

В 1938–1939 гг. на книгу о Данте появилось несколько отзывов. Среди рецензентов нельзя не упомянуть знаменитого итальянского философа Бенедетто Кроче (Benedetto Croce, 1866–1952), самого значительного итальянского интеллектуала, крупнейшего представителя неоидеалистического направления, находившегося в оппозиции к фашистской власти. В своем журнале «La Critica» («Критика») Кроче, по всей видимости прочитавший и другие произведения Мережковского, отзывается о нем крайне отрицательно и полемизирует с ним: «Я прочитал книгу и обнаружил в ней одну из обычных многословных проповедей Евангелия или Апокалипсиса господина Мережковского»⁴³.

Здесь следует пояснить, что Мережковский, ранее, цитируя Кроче в предисловии к своей книге о Данте, весьма резко заявил: «Тайное или открытое, сознательное или несознательное суждение большинства наших современников о Данте было выражено знаменитым итальянским „дантистом“ (смешное и странное слово), философом и критиком Бенедетто Кроче: „Все религиозное содержание Божественной комедии уже мертво для нас“»⁴⁴. Кроче ответил Мережковскому, что не помнит фразы о Данте, которая ему приписывается, но даже если он когда-то ее и произнес, «в ней содержится не что иное, как утверждение вечной свежести поэзии в противоположность отжившему мировоззрению и образу действий, которые в своих первоначальных формах уже мертвы и живут лишь в оболочке нового образа мыслей и действий»⁴⁵. В отличие от Эвола и других критиков того же направления, Кроче совсем не интересуется религиозными и эзотерическими аспектами творчества Данте, в то время как Мережковский старается выступать в роли защитника «нового религиозного ренессанса», который, по его мнению, идеально сочетается с «новым итальянским ренессансом».

Мережковский смог осуществить свой проект о Данте благодаря финансированию со стороны фашистского режима. Именно по этой причине ученые до сих пор дискутируют на тему «сервилизма» и «оппортунизма» писателя. Нет сомнения, что Мережковский, действительно, прибегал к определенной стратегии в целях получения постоянного места работы и жительства в Италии. Но необходимо отметить, что и Муссолини в отношении Мережковского, в свою очередь, следовал известной стратегии, применявшейся фашистским правительством для «порабощения» и «подчинения режиму» как итальянских, так и зарубежных интеллектуалов.

Не только Мережковский нуждался в поддержке фашистского государства, но и последнему была нужна «пропаганда» русского писателя, бежавшего из советской России и проживающего во Франции. Не случайно в 1932 г. Мережковский был приглашен во Флоренцию, чтобы прочитать лекцию о великом итальянском художнике, под названием «Леонардо и мы». И опять-таки не случайно, спустя четыре года, Мережковский озаглавил

---

⁴⁰ Evola, Julius. Demetrio Merejkowsky: Dante, p. 961.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Croce, Benedetto. Demetrio Merejkowsky. Dante // La Critica, XXXVII (1939), p. 51-52; p. 52.

⁴⁴ Merejkowsky, Demetrio. Dante / Traduzione di Rinaldo Küfferle. Bologna: Zanichelli, 1938, p. 4. Кроче, вероятно, был задет замечанием Мережковского о том, что «дантист» – это «смешное и странное слово». Он, конечно, и не подозревал, что для русского это слово звучит как «стоматолог»: ведь в итальянском языке «дантист» означает «исследователь творчества Данте».

⁴⁵ Croce, Benedetto. Demetrio Merejkowsky. Dante, p. 51.

предисловие к книге о Данте – «Данте и мы»; это название должно было вызывать в памяти другой труд писателя, посвященный итальянской истории и культуре.

В 1934 г., когда был основан Государственный секретариат печати и пропаганды (с 1935 г. ставший Министерством печати и пропаганды, а с 1937 по 1944 гг. – Министерством народной культуры), была усилена и «финансовая стратегия» фашистского режима, направленная на то, чтобы, избегая репрессий творческой интеллигенции, добиться от нее «добровольной» поддержки политического курса⁴⁶. Так, для того, чтобы получать постоянное жалование или единовременное пособие на выполнение определенной творческой работы (книги, театральной постановки и т.д.), писатель, журналист или художник должен был сам, и не по одному разу, направить личное письмо Муссолини или министру. Муссолини в итоге давал свое согласие, но, поскольку в качестве субсидий использовались не финансовые средства министерства, а тайные капиталы фашистской полиции, просьбы деятелей искусства рассматривал и глава полиции, который затем передавал деньги просителю через министерство. Заявитель имел возможность получить субсидию только в том случае, если он открыто поддерживал фашистскую власть во время выступлений на конференциях, на страницах газет и журналов или в хвалебных предисловиях и посвящениях Муссолини в книгах.

Добившись финансирования, авторы получали от властей не столько рекомендации, что именно писать, сколько открытые приказания. Таким образом, представители творческой интеллигенции фактически делались «активным средством пропаганды»⁴⁷ фашизма независимо от того, к какому литературному или художественному направлению они принадлежали.

Вполне вероятно, что подобное случилось и с Мережковским в истории с книгой о Данте. Возможно, русский писатель, именно благодаря своим связям с упомянутыми в данной статье или с другими итальянскими деятелями культуры, знал, что надо делать, чтобы получить от Муссолини материальную помощь: в 1934 г. он лично написал первое письмо к дуче с просьбой о приюте в Италии; часть предисловия «Данте и мы», где он декларирует свое уважение к дуче и рассказывает о личной встрече с ним⁴⁸, была опубликована в итальянском журнале «Quadrièvo» («Перекресток») в 1936 г.⁴⁹, а в феврале 1937 г. в русской версии – в парижском журнале «Иллюстрированная Россия»⁵⁰. В тот период журнал публиковался под редакцией Мережковского, Гиппиус, а также И.А. Бунина, Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева.

В то же время, в декабре 1936 г., через переводчицу Валентину Преображенскую⁵¹, двоюродную сестру Раисы Олькеницкой-Нальди, Мережковский сам просил министра печати и пропаганды опубликовать в «Газете Италии» – одном из главных рупоров власти в стране, интервью, которое писатель Эудженио Джованнетти (Eugenio Giovannetti, 1883–1951) намеревался у него взять⁵². Таким образом, он начал пропагандировать идеи «нового итальянского ренессанса» как в Италии, так и за границей.

Доказательством осведомленности Мережковского о том, как получить поддержку итальянского правительства, служит и другое интервью, взятое у писателя в Париже еще 20 февраля 1936 г.:

⁴⁶ См. об этом: Sedita, Giovanni. Gli intellettuali di Mussolini. La cultura finanziata dal fascismo. Firenze: Le Lettere, 2010.

⁴⁷ Там же, р. 30.

⁴⁸ Имеется в виду третья личная встреча Мережковского с Муссолини, которая состоялась 11 июня 1936 г.

⁴⁹ Merejkowski, Demetrio. Dante e l'avvenire del mondo // Quadrièvo: grande settimanale letterario illustrato di Roma, N 9 (27.XII.1936), р. 1, 3.

⁵⁰ Мережковский, Дмитрий. Встреча с Муссолини. Из книги о Данте // Иллюстрированная Россия, № 8 (13.II.1937), с. 1-2. – В статье помещена фотография, снятая во время чествования Мережковского в Риме на заседании римского фашистского профсоюза литераторов. Рядом с фотографией приводится русский перевод небольшой заметки, опубликованной в крупных итальянских газетах: Il Sindacato Romano degli Autori in onore di Demetrio Merezhkowski // Il Messaggero, 8.XII.1936, р. 6; Merezkowski festeggiato del Sindacato autori e scrittori // Corriere della Sera, 8.XII.1936, р. 2.

⁵¹ О ней см.: Пагани, Мария Пия, Пикколо, Лаура. В. Преображенская / Пер. с ит. Татьяны Никитинской // Русские в Италии: Словарь / Russi in Italia: Dizionario. <http://www.russinitalia.it/dizionario.php> («П: Преображенская»). 01.06.2016.

⁵² См.: Ministero Affari Esteri, Roma, Archivio Storico-diplomatico, Minculpop, b. 596, f. Mereskowski Dimitri; Accattoli, Agnese. Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli Esteri italiano. Salerno: Europa Orientalis, 2013, р. 44. Интервью было опубликовано в газете: Giovannetti, Eugenio. Conversando con Demetrio Merezhovski. La rinascita religiosa di Dante // Il Giornale d'Italia, 20.XII.1936, р. 3.

«Когда год назад я прибыл в Италию ради занятий творчеством Данте, у меня возникло впечатление, что сердце итальянского народа наполнилось необычайным потоком энергии, что здесь настало подлинное Возрождение, проявляющееся не в античных формах, а в живой политической и общественной жизни, и что это Возрождение переключалось из созерцательной сферы искусства в плодотворную область повседневной деятельности. Признаки этого ренессанса я увидел как во взоре Дуче, который представляется мне человеком наивысшей духовной силы в современном мире – взоре, полном благой и отважно-созидательной силы, – так и во взоре самого смиренного из ремесленников. Некоторые тенденциозные советчики хотели бы удержать меня от нынешней поездки в Италию своими намеками на якобы аномальные условия жизни, будто бы вызванные санкциями и войной в Эфиопии, победы в которой, принося все больше славы, служат опровержением речам хулителей. Я не верю пораженцам. Народы обретают истинное и непреходящее величие, не пребывая в идиллии мирного существования, но сгорая в трагическом пламени Истории. Наградой Италии, переживающей ныне героические дни битвы в Африке и внутренней экономической борьбы, должна стать великая судьба. И к этой судьбе ее ведет человек, который ближе всех стоит к идеалу, выкованному Данте для своей Бессмертной Отчизны – Великий Пес-Дуче⁵³. Гордостью и радостью будет для меня возможность завершить мой труд о Данте в Италии Муссолини»⁵⁴.

Мы имеем все основания утверждать, что был такой момент, когда казалось, что Италия нуждается в таком русском писателе, как Мережковский. Мы имеем в виду начало 30-х годов, когда последний начал общаться с Папини, Барфуччи и прочими деятелями итальянской культуры. Действительно, все они обменивались между собой идеями и литературными проектами; кроме того, в 30-е гг. крупные издательства подчас даже оспаривали друг у друга право печатать произведения Мережковского. Но звезда успеха писателя, пребывавшего в зените своей славы в 1936–38 гг. благодаря книге о Данте, закатилась накануне Второй мировой войны. Как известно, еще в 1937 г. Муссолини и его министры стали отказываться от личных встреч с Мережковским. Он уже не мог надеяться на помощь итальянского правительства, а главное, не мог рассчитывать на то, чтобы найти в Италии окончательный «приют»: «лишь в отдельных случаях просьба творческого деятеля о пособии приводила к постоянному сотрудничеству», чаще всего «Министерство народной культуры и пропаганды давало временное пособие»⁵⁵.

В случае Мережковского это означало, что пропаганда русского писателя-эмигранта религиозно-философского направления, которую режим использовал во время эфиопской войны, накануне мирового конфликта перестала быть актуальной.

Приложение

Список итальянских переводов произведений Д.С. Мережковского

Переводы приводятся в хронологическом порядке. Если имя переводчика не указано, это означает, что оно нам неизвестно. В скобках цитируются репринты каждого перевода.

La morte degli dei (Giuliano Imperatore). Cassino: Pantheon, s.d. (без указания года)

Il tramonto degli dei: romanzo storico dei tempi di Giuliano l'Apostata. Milano: Baldini Castoldi, 1901.

La morte degli dei: Il romanzo di Giuliano l'apostata / traduzione di Nina Romanowsky, autorizzata dall'autore. Milano: F.lli Treves, 1901 (1905).

---

⁵³ Словом «Пес» приблизительно можно перевести на русский язык итальянское слово «Veltro», использованное Данте в I ч. «Божественной комедии» – «Ад». «Veltro» является ключевой аллегорической фигурой первой кантики «Комедии»: он призван одержать победу над волчицей – аллегорией алчности – и освободить от нее весь мир. См.: Bufano, Antonietta, Davis, Charles T. Veltro // Enciclopedia Dantesca (1970). Эл. версия: http://www.treccani.it/enciclopedia/veltro_%28Enciclopedia-Dantesca%29/. 01.06.2016.

⁵⁴ L'ammirazione per il Duce e per l'Italia dello scrittore russo Merezkowski // Corriere della Sera, 21.II.1936, p. 5. Пер. с ит. Кристины Ланды.

⁵⁵ Sedita, Giovanni. Gli intellettuali di Mussolini. La cultura finanziata dal fascismo, p. 36.

La resurrezione degli Dei: il romanzo di Leonardo da Vinci / traduzione dal russo di Nina Romanowsky, autorizzata dall'autore. Milano: F.lli Treves, 1901 (1908, 1926, 1927, 1929, 1930, 1931).

Pietro il grande. Roma: Società editrice Laziale, 1905.

Giuseppe Pilsudski / traduzione autorizzata dal russo. Milano: Agenzia di stampa Polpresse, 1921.

La morte di Paolo I: dramma in cinque atti / prima traduzione italiana dall'originale russo, con introduzione della duchessa D'Andria Capece-Latro. Milano: R. Caddeo, 1921.

La nascita degli dei: Tutankamen in Creta / unica traduzione autorizzata dall'originale di Nina Romanowsky. Milano: F.lli Treves, 1925 (1930); (Milano: Garzanti, 1948).

Messia. 1. Akhanaton gioia del sole / traduzione di Nina Romanowsky. Milano: F.lli Treves, 1927 (1938).

Messia. 2. L'ombra di colui che viene / traduzione di Nina Romanowsky. Milano, F.lli Treves, 1928 (1938).

Pietro il grande, dominatore della Russia / riduzione dal romanzo. Firenze: G. Nerbini, 1929.

La congiura dei decabristi. Milano: Athena, 1931.

Napoleone: l'uomo, la sua vita e la sua storia / traduzione di Raissa Olkienzkaia Naldi. Firenze: Bemporad, 1931 (1933, 1936, 1940, 1942, 1954, 1988).

L'Anticristo: (Pietro e Alessio) / prima traduzione dall'originale russo di Anna Ruska con pagine introduttive di P. Kogan e notizie sull'autore. Torino: Slavia, 1932.

L'anticristo: Pietro e Alessio / traduzione di Nina Romanowski. Milano: Corbaccio, 1932.

Giuliano l'Apostata (la morte degli dei) / traduzione di Luigi Ermete Zalapy. Sesto San Giovanni: Barion, 1932 (1934).

La morte degli dei: il romanzo di Giuliano l'apostata / traduzione di Leo Gastovinski. Milano: Bietti, 1933.

Il romanzo di Leonardo da Vinci: la rinascita degli dei / traduzione integrale e conforme all'originale di Maria Racovska e Luigi Galeazzo Tenconi. Sesto San Giovanni: Barion, 1933 (1935); (Milano: Rizzoli, 1953).

Gesù sconosciuto / traduzione di Renato Poggioli. Firenze: R. Bemporad & figlio, 1933 (1934, 1937, 1943).

L'anticristo (Pietro e Alessio) / traduzione di Maria Miro. Sesto San Giovanni: Barion, 1934.

Il segreto di Alessandro I: lo zar dell'alba rivoluzionaria / traduzione di Raissa Olkienzkaia Naldi. Firenze: Bemporad, 1935.

Tre santi: Paolo, Agostino, Francesco d'Assisi / traduzione di Laura Malavasi. Milano: Mondadori, 1936; (Milano: Club degli editori, 1960).

La missione di Gesù / traduzione di Renato Poggioli. Firenze: Marzocco, 1937 (1944).

L'Atlantide / traduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: Hoepli, 1937 (1941).

Dante / traduzione di Rinaldo Küfferle. Bologna: Zanichelli, 1938 (1939, 1940).

Tolstoj e Dostoevskij: vita creazione religione / traduzione di Alfredo Polledro. Bari: Laterza, 1938 (1947, 1948, 1982).

Pietro il Grande: romanzo storico / traduzione di Decio Cinti. Milano: Sonzogno, 1939 (1959).

Cristo e anticristo: trilogia / traduzione di Mario Visetti. Milano: Fasani, 1945.

Morte e resurrezione / traduzione di Carlo Francovich. Firenze: Marzocco, 1948.

Leonardo: la resurrezione degli dei. Milano: A. Martello, 1954 (1971); Firenze: Giunti, Martello, 1982).

Il mistero del comunismo russo / traduzione di Jean Chuzeville e Salvatore Cossu. Roma: NEMI, 1963.

L'Atlantide. Genova: F.lli Melita, 1987.

Francesco d'Assisi / traduzione di Laura Malavasi, prefazione di Pier Cesare Bori. Milano: Biblioteca Franciscana, 1996 (1997).

Leonardo da Vinci / traduzione di Mario Visetti. Firenze: Giunti, 1998 (2005).

Atlantide e i suoi misteri. Santarcangelo di Romagna: RL, 2010.

La morte degli dei: Giuliano l'Apostata / cura e traduzione di Luigi Vittorio Nadai. Roma: Castelvechchi, 2014.

Giuseppina Giuliano, **Reception of the personality and work of D.S. Merezhkovsky in Italy in the first half of the XXth century**

The author of the article discusses the reception of the personality of Dmitri Merezhkovsky in Italy in the first half of the 20th century and the reviews, published in Italian papers and journals, about translation of his works into Italian. She discusses also the relationship of the writer with the fascist government, in particular with Benito Mussolini, with major Italian publishers (Bemporad, Mondadori) and Italian cultural figures such as Giovanni Papini, Enrico Barfucci and others, during Merezhkovsky's stay in Italy in the 30s.

Special attention in Italy has drawn the writer's trilogy *Christ and Antichrist*, in particular, the novel about Leonardo da Vinci. That is why the paper "Leonardo and us", read by Merezhkovsky in Florence in 1932, is discussed separately. In 1922, the Italian Slavist Ettore Lo Gatto wrote an article in which he analyzes the figure of Merezhkovsky as a critic, polemicist, thinker and philosopher who has much in common with Vladimir Solovyov. As highlighted in the article, Lo Gatto's opinion has differed significantly from statements of other Italian critics.

When we talk about the books written by Merezhkovsky in exile, the perception of the author from the Italian critics is slightly different. For example, the famous Italian philosopher Benedetto Croce, in a review of Merezhkovsky's *Dante* (1938) writes that Merezhkovsky has "many errors and absurdities" and considers this work only a justification for one more "preaching of Gospel or Apocalypse". The last part of the article is dedicated to the reviews of the book on Dante and to the way in which Merezhkovsky published this book in Italy with Mussolini's help.

Key words: Merezhkovsky and Italy; Russian Emigration; Intellectuals and Power in 20th c.